Концевич Николай

31.10.93

РОК: РУССКИЙ ОТПОР

Ник-рок-н-ролл:

«Я ПОДДЕРЖАЛ ГКЧП»

У нас почему-то принято называть роком все подряд: от отечественной коммерческой поп-эстрады до дворового ансамбля из ПТУ. На этом зиждется феномен так называемого «советского рока» — явления, зачастую совершенно неоправданно раздуваемого. Несколько лет назад вся пресса запестрела однотипными заголовками и статьями похожего содержания вроде «детей гласности» и одними и теми же именами рок-групп («ДДТ», «Аквариум», «Алиса»), пока все это окончательно не навязло в зубах. Но за бортом остался длинный ряд очень старых андерграундовых команд, которых никто не пропагандировал. Общественность сделала вид, что их не существует вовсе. Она использовала лишь «детей гласности» и «предтеч перестройки» и демонстрировала их как призыв к светлому демократическому будущему.

Случилась своего рода политическая игра: если рокер ругает коммунистов — ему все дороги открыты, а если нет... И получилось, что в общую картину демократического рок-н-ролла не вписались многие андерграундовые группы — «Гражданская оборона», «ДК», «Инструкция по выживанию» и многие другие.

Ник-рок-н-ролл (в миру — Николай Концевич) — один из настоящих героев подпольного рок-андерграунда, о чем говорит и его псевдоним. «Рок-н-ролл» — это живая сцена, на которой всегда видно подлинное отражение жизни. Силы рая и ада — вечные противоречия, которые, сталкиваясь между собой, отражаются в творчестве Ника. В самом Нике и в его стихах бурлит жизнь какая она есть на самом деле, а не та, что пытается нам навязать нынешняя власть.

Николай родом из Симферополя, но судьба распорядилась так, что его музыкальная деятельность протекает в основном на Дальнем Востоке и в Сибири. Там он — негласный лидер панк-рока. В его жизни существуют и борются как бы две личности — это Ник-рок-н-ролл и простой парень Колька... Творческая личность Кольки постоянно противоборствует с его грешной человеческой половиной в поисках гармонии. Они спорят между собой, смеются и плачут, любят и ненавидят. Об этом и разговор.

ВАСИЛИЙ БОЯРИНЦЕВ. Но сначала вкратце расскажи о себе.

НИК-РОК-Н-РОЛЛ. Тут такая ситуация: есть Колька — человек, который сейчас разговаривает с тобой, и есть еще Ник-рок-н-ролл. Это продукт космоса, это защита, что позволяет Кольке защищаться от всех этих иродов, иуд в образе человеческом. А рок-н-ролл — это то, что позволяет быть живым, не смердеть мертвечиной, а главное — ощущать себя тем, кем ты пришел в этот мир. А в мир все мы пришли для того, чтобы жить.

Б. В. Понятно. В общем, это твоя мировоззренческая позиция?

Н. Р-Р. Наверное, если это можно так назвать. Допустим: Ник-рок-н-ролл будет что-то ненавидеть, а Колька это будет любить. Как боксерский поединок на ринге. Когда эти два парня подружатся, после того как набьют друг другу физиономии, они посмотрят на мир по-другому.

Б. В. Ясно. Вот ты как-то сказал, что ненавидел государство, строй и т. д. Это патологическая, такая анархическая ненависть к государственности вообще или все-таки протест против каких-то конкретных ее проявлений?

Н. Р-Р. Да, скорее всего второе. Даже не скорее, а точно второе. Находясь в экстремальных ситуациях, я ощущал себя здоровым человеком, быстрее хотел выйти на здоровые поля, к здоровым женщинам, которые могли бы родить мне здорового, хорошего ребенка. Я устал видеть всю эту патологическую нелепицу, поверьте. В этом деле слов мало, нужен динамит.

Б. В. В данном случае динамит — твое творчество?

Н. Р-Р. Динамит — настоящий рок-н-ролл, а не эти помпезные женоподобные мальчики, которыми наполнен «Музобоз» вместе с его ведущим.

Б. В. Даже в условиях рок-андерграунда ты считаешься заведомо скандальной личностью. Ты не отрицаешь этого?

Н. Р-Р. Я не знаю.

Б. В. Значит, получается такой небольшой парадокс. В условиях, скажем, бунтующей или псевдобунтующей андерграундной рок-тусовки есть Ник-рок-н-ролл, который всегда делает немножко вкось, не в тему основным традициям. Получается, что твои здоровые инстинкты, здоровая потребность жить — все это не совпадает с основной канвой русского рока?

Н. Р-Р. Начну с того, что я никогда не ощущал себя парнем наперекосяк. А что касается Ника-рок-н-ролла — это его трудности. Русский андерграундный рок весь куплен на корню теми, кто стоит в данный момент у власти, над ним. И меня тошнит от тех, кто ставит боль на конвейер. Я всегда подозревал этих людей в тайной симпатии масонам. До чего довели их идеи о том, что в России все плохо. До того, что люди кидаются из окон, а те, кто гораздо хуже них, живут и высасывают все из последних, оставшихся в живых. Это философия мертвых. Я не хочу пахнуть мертвечиной.

Б. В. Николай, утверждают, что советские рокеры, даже андерграундовые, — предтечи перестройки. Это карта, разыгранная демократами?

Н. Р-Р. К демократам я вообще отношусь очень плохо. Считаю, что они вообще на самом деле горлохваты. Мне вспоминается такой случай: приехала тут «товарищ-женщина» — Федосеева-Шукшина во Владивосток. Я был свидетелем ее выступления. Демократы стояли с повязками, охраняли ее неизвестно от кого и от чего. И она говорит: «Мой Васенька был всегда за Ельцина». Простите, кто такой Ельцин? Это тот самый мужик, который, будучи первым в обкоме партии КПСС в городе Свердловске, снес Ипатьевский дом — святую реликвию страшного времени и еще смеет ходить в церковь и говорить «соотечественники». Это все фальшь и ложь.

Да, но я ушел от вопроса. Недавно смотрел по телеку презентацию пластинки «Все это рок-н-ролл». Я к Косте Кинчеву очень хорошо отношусь как к человеку, но, простите, давайте не путать эстраду и рок-н-ролл.

Я никогда не хотел бы быть клоуном, а когда Сукачев с усиками говорит: «Песня русского поэта Владимира Высоцкого», — и начинает петь «Баньку» своим дурным голосом, возникает единственное желание... Вы, наверно, догадаетесь, какое. Пусть он поет все что угодно, но при чем здесь Высоцкий? Это мертвое поколение, оно купилось сначала коммунистами, потом демократами. Да, действительно, это поколение рокеров выполнило свою роль совершенно отлично и добросовестно. А настоящие парни были и останутся настоящими парнями, а не... я слов не нахожу... красотками из нового театра масоно-большевистско-анархического вертепа.

Б. В. С кем ты сейчас работаешь? Сколько у тебя альбомов?

Н. Р-Р. Сейчас я работаю с группой «Чертовы куклы». Их вполне устраивает и им не мешает, что они шоу-ребята, решившие пойти со мной в ад. А именно через ад можно увидеть рай и попасть в него. У меня три альбома. Первый — «Московские каникулы», второй — «Полуночный пастырь» и третий — «Покойный Мень».

Б. В. Третий как-то связан с реальными событиями?

Н. Р-Р. А как же! Убили священника. Он был евреем, но это никому не дает права бить по голове топориком. Что касается остального — об этом прекрасно сказано во многих русских философских трудах. Кстати, поэтому я с удовольствием поддержал ГКЧП.

Б. В. Можно поподробнее?

Н. Р-Р. 19 августа, когда все это произошло, я снял трубку телефона, набрал номер Вани Логинова (Тюменское радио) и сделал заявление, что поддерживаю государственный комитет по чрезвычайному положению. Их программа вполне подходила для нормального человека, который хочет, чтобы его жена не была изнасилована, избита, а страна не скатилась в пропасть ада, вакханалии и анархии.

Я поддержал это правительство. Эти парни действительно хотели сделать лучше. Что касается тех, кто сидит в «Матросской тишине», уверен — их освободят. Я хочу порядка, я устал от беспорядков. На своей майке напишу: «Левый? Простите, я правый». Правый — это гораздо круче. Левый — это вечный иудаизм, вечное предательство, постоянная подставка. Они вечно хотят что-то перевернуть, в итоге ничего из этого не получается. Ненавижу левых.

Б. В. В твоем бытии сейчас в Тюмени есть ли столкновения какие-нибудь с музыкальными, околомузыкальными структурами? Как у тебя складываются с ними отношения?

Н. Р-Р. Никаких взаимоотношений. Я когда-то говорил о Тюмени как о Мекке панк-рока. Забираю свои слова обратно и извиняюсь перед всеми, кто это где-либо читал. Никакого панка в Тюмени нет, музыки, искусства и антиискусства тоже нет. Сейчас это мертвый, обреченный город. Там есть отдельные личности, замерзающие в этом мертвом городе. Всё. Тюмень мертва, она закончилась. И это только один из городов, а сколько их еще? Живой город — Москва. Но она была всегда, сколько я себя помню, оккупирована.

Б. В. Ты видишь какой-нибудь просвет в будущем?

Н. Р-Р. Конечно. Не лечь же и помереть! Я вижу просвет. Когда мертвые уйдут и станут перегноем, своеобразным удобрением, появятся ростки, колоски. А в будущем — хлеб и солнце. И любовь — настоящая. Когда все, кто хочет крови, исчезнут, когда найдется тот парень, кто очистит Авгиевы конюшни, тогда будет жизнь. А будет жизнь — будет настоящий рок-н-ролл. Это не «Алиса», не «ДДТ», не эстрадные ансамбли. Настоящий рок-н-ролл — это герой. Когда героев будет больше, будет жизнь.

Б. В. А ты можешь назвать кого-нибудь из живых настоящих?

Н. Р-Р. Да. Это Олег Гапонов из Ростова, группа «Зазеркалье». Крот из Южно-Сахалинска. Это Роман Неумоев («Инструкция по выживанию»). Он самый живой из всех живущих. Сережа Фень (он редко бывает в Тюмени) из «Чертовых кукол». Это самостоятельная группа. Это Федя-Бредя из группы «Пищевые отходы». Вот такие люди, которых не видно и не слышно на радио и ТВ, но тем не менее которых слышат и хотят услышать. Именно они действительно обречены на жизнь.

Записала Т. ПОКРОВСКАЯ

День — 1993 — 21 — 31 окт. — с. 8

166